

(раньше это было обязанностью басилеев). Для этой цели более всего подходили люди, происходившие от героев, а значит — и от богов; кроме того, практически каждый аристократический род имел свои культы, а аристократы исполняли жреческие обязанности. Например, в Афинах элевсинский культ осуществляли шесть знатных родов⁴²: Эвмолпиды, Керики, Филлиды, Крокониды, Койронида и Эвдайнемы. Представитель рода Ликомидов Фемистокл перед Саламинской битвой принес в жертву Дионису Оместу трех знатных юношей-персов (Plut. Them. 13). Многочисленность и общезвестность примеров этой важнейшей, по древним представлениям, функции военачальников очевидна и не нуждается в дальнейших доказательствах.

Подводя итоги, следует сказать, что греческая аристократия архаической эпохи играла в военной области руководящую роль, обусловленную целым рядом причин: ее социально-экономическим, политическим и религиозным лидерством, традициями и воспитанием. Военное дело было священным долгом всех граждан, но для аристократов оно являлось и основной профессией.

И. А. ЛИСОВОЙ

Проблемы развития архаической Греции в историографии ЧСФР

Одним из всесторонне исследуемых вопросов в марксистской историографии античности является возникновение и развитие древнегреческого полиса¹. Заметно возрос к нему интерес в исторической науке стран социализма, в частности в ЧСФР. За последние сорок лет чехословацкие историки достигли определенных успехов в изучении архаической Греции. Однако их наблюдения специально не обобщались ни в чехословацкой², ни в советской историографии³. Этим объясняется выбор настоящей темы.

⁴² Töeffler I. Op. cit. S. 24—112.

¹ Ср.: Античная Греция. Проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 1—2.

² Tricet Let výzkumu antiky v CSSR: 1945—1975. Praha, 1976. S. 31—53.

³ Историография античной истории / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980. С. 381—383.

В первые послевоенные годы перед чехословацкой наукой, принявшей на вооружение марксизм-ленинизм, возникла острая необходимость воспитания поколения ученых с новым подходом к изучению античной истории и культуры. В начале 50-х гг. образуется Академия Наук ЧСФР и в ее системе Институт (Кабинет) по изучению греческих, римских и латинских древностей, создается ряд специальных кафедр в вузах страны, что вызвало заметный перелом в изучении античности. Существенное значение в этом процессе имело влияние достижений советской исторической науки, координирующая роль упомянутого Института, а также результаты рабочих и научных конференций по изучению античности в ЧСФР⁴. Все это создало благоприятные предпосылки для всестороннего исследования в ЧСФР истории архаической Греции. Она исследовалась в следующих направлениях: формирование рабовладельческого общества и государства в Спарте и Афинах, раннегреческая тирания и великая греческая колонизация (апойкизация); рассматривались также отдельные аспекты идеологии и культуры.

Этим вопросам уделил серьезное внимание один из ведущих историков страны П. Олива. Его монография о ранней греческой тирании явилась важным вкладом в чехословацкую историческую науку, нашла положительный отзыв в отечественной и советской литературе⁵. Так, Я. А. Ленцман, отмечая хорошее знание П. Оливой трудов классиков марксизма-ленинизма и работ советских историков, что, естественно, не могло не отразиться на содержании работы, выделил то новое, что внес своим трудом П. Олива в концепцию о ранней тирании в марксистской науке: в ней подчеркнут момент закономерности исторической обусловленности ранней тирании; исследователь считает ее совершенно необходимым звеном на пути возникновения рабовладельческого строя и государства в экономически развитых полисах Эллады (отсутствие тирании в Спарте и на Крите он объясняет их отсталостью в экономическом развитии).

П. Олива полагает, что тирания повсеместно, за небольшим исключением, представляла интересы зародившегося

⁴ IV plenární zasedání Československé akademie věd // Věstník CSAV. 1954. R. 63. S. 1—98. Fialová A. Pracovní porada Kabinetu pro studia řecká, římská a latinská // Věstník CSAV. 1956. R. 65.

⁵ Oлива P. Raná řecká tyrannis. Studie k otázce vzniku státu. Praha, Ред.: Ленцман Я. А. // ВДИ. 1955. № 1. С. 85—91.

класса ремесленников и торговцев, использовавших в широких масштабах труд рабов; кратковременность тирании в большинстве полисов он объясняет тем, что быстрые темпы экономического развития в VII—VI вв. до н. э. вскоре превращали тиранию в преграду для дальнейшего развития рабовладельческого производства (ремесла и торговли)⁶. Возникновение и падение тирании П. Олива считает делом одной и той же социальной группы. Более того, важнейшим звеном в деятельности ранних тиранов он называет поддержку ремесленников и купцов как во внутренней, так и во внешней политике, однако недооценивает роль крестьянства в то время, полагая, что оно оставалось пассивной массой, в лучшем случае лишь содействующей богатым рабовладельцам в их борьбе против евпатридов.

Глубокое знание П. Оливой источников и литературы позволило ему дать всесторонний анализ тирании в Малой Азии и на островах Эгейского моря, на Коринфском перешейке и в Афинах. Исследователь приходит к выводу, что тирания создавалась в борьбе против родовой знати и поэтому выступала против неограниченного аристократического господства. В полисах Коринфского перешейка она носила антидорийский характер, стремясь ликвидировать привилегированное положение дорийских землевладельцев; в Афинах и в ионийских полисах Малой Азии тирания резко выступала против собственной родовой аристократии и в этом направлении немало содействовала ликвидации остатков родовой организации и укреплению возникающего рабовладельческого строя. Она сыграла важную роль в борьбе против родовой знати и ее опоры — родовых фил, в том числе и в области идеологии, например, введением новых культов (Диониса, Афины); в отдельных греческих полисах появляется научный взгляд на мир, на природу и на человеческое общество, возникает греческая материалистическая философия.

Ценным, на наш взгляд, в монографии П. Оливы является стремление выделить специфические особенности тирании в различных полисах Эллады. Исследователь прав, полагая, что тирания Писистрата не сыграла такой решающей роли в процессе образования рабовладельческого государства, как тирании в других высокоразвитых полисах Эллады. Продолжительность борьбы передовых общественных сил с родовой знатью в Афинах П. Олива объясняет тем, что они представляли собой гораздо больший земледельческий район, чем другие полисы,

⁶ Ленцман Я. А. Указ. соч. С. 88.

прошедшие ту же стадию тирании; поэтому позиции афинских евпатридов были гораздо сильнее, чем позиции аристократов в тех полисах, где сельское хозяйство играло менее значительную роль. Поэтому, развивая свою мысль П. Олива, в Афинах тирания и не устанавливается сразу: ей предшествует законодательство Солона, которое, с одной стороны, решало самый жгучий вопрос, освободив крестьян от рабства и запретив обеспечение долга личностью должника, с другой — вело осторожную политику по отношению к землевладельческой аристократии, устанавливая в качестве основания прав и обязанностей граждан ценз по величине получаемого ими с земли дохода, благодаря чему евпатриды еще сохраняли за собой сильные позиции. Серьезностью крестьянского вопроса в Афинах объясняется, почему Писистрат опирался в своем домогании тирании на обедневших и безземельных крестьян, требовавших раздела земли. Отсюда вытекает правильное суждение исследователя о том, что в отличие от истории других тираний, афинская не была еще последним словом в процессе образования афинского рабовладельческого полиса.

Нужно отдать должное П. Оливе и в констатации того, что было бы ошибкой односторонне переоценивать значение ранней тирании в истории архаической Греции. Тирания была только этапом в развитии рабовладельческих полисов. Ее характерным признаком является ее сравнительно краткое существование. Вскоре она становится тормозом для дальнейшего экономического и общественного развития Эллады. Подобно коринфскому тирану Перикандру, и сыновья Писистрата в Афинах своим вмешательством в жизнь полиса только мешали развитию рабовладельческого хозяйства, в результате чего представители тирании вступают в конфликт с интересами тех общественных сил, которые до тех пор их поддерживали, и поэтому их власть падает.

Наблюдения о раннегреческой тирании П. Олива продолжил в последующих работах, активно дискутируя с зарубежными исследователями⁷. Свообразным итогом этой дискуссии явилась статья «Тирания в ранней Греции»⁸. Предполагая за-

⁷ Oliva P. Zur Problematik der frühen griechischen Tyrannis // ZG. 1959. Bd. 7. 869—874. Idem. Die Bedeutung der frühgriechischen Tyrannis // Klio. 1960. Bd. 38. S. 81—86.

⁸ Oliva P. Tyrannis v ranem Recku // LF. 1979. R. 102. S. 69—81. Idem. Die ältere Tyrannis // Wege der Forschung. Darmstadt. 1979. S. 226—244. Idem. The early Tyranny // Dialogues d'histoire ancienne. 1982. T. 8. P. 363—380.

имствование самого термина «тирания» из малоазийского обихода VII в. до н. э., он рассматривает ее как важный этап в развитии древнегреческих полисов. Было бы ошибкой, подчеркивает П. Олива, видеть в тиранах архаической Греции социальных реформаторов; скорее всего, они пользовались существующей социальной напряженностью для достижения своих собственных целей.

Подтверждая высказанное в упомянутой монографии мнение о том, что педизии Аттики были аристократами-землеладельцами, паралии — торговцами и ремесленниками, а диакрии, руководимые Писистратом, — малоимущими крестьянами и пастухами, П. Олива отрицает предположение буржуазных исследователей, считающих, что диакрии могут отождествляться с рудокопами Лаврийских рудников⁹.

Была отвергнута оценка Э. Клюве, данная им в отношении интерпретации тирании Писистрата П. Оливой. Последний подчеркивает, что Писистрат своими усилиями стабилизировал полис в экономическом и культурном развитии, способствовал процветанию различных групп граждан, что, естественно, благоприятствовало его хорошей репутации и укрепляло его политическую власть. Исследователь считает также необходимым упомянуть о наличии не только противоречий между аристократическими родами в Аттике, но и о социальных конфликтах, о чем свидетельствует спор 580—579 гг. до н. э. об избрании архонта.

Таким образом, приходит к выводу П. Олива, было бы неправильным пытаться умалить причины, приведшие к тирании, а также саму природу этой формы правления. Общие причины следует, по его мнению, искать в структурных изменениях архаических обществ. Благодатной почвой для зарождения тирании послужили растущее общественное недовольство и распри между отдельными аристократическими родами. Что касается самих тиранов, они принимали такие меры, которые обеспечили бы их автократическую власть; вначале выступали против своих соперников — аристократов, в дальнейшем поддерживали, хотя бы косвенно, тенденции, совпадающие с интересами остальных граждан.

К вопросу о возникновении Спартанского государства обращался П. Олива в работах 60—70-х годов¹⁰. В монографии

⁹ Oliva P. The early Tyranny. P. 370.

¹⁰ Oliva P. On the Problem of the Helots (Critical study) // *Historica*. 1961. T. III. P. 5—34. Idem. Die bürgerliche Gemeinschaft in Sparta // *Antiquitas graeco-romana ac tempora nostra*. Brno, 1968. S. 45—51; Idem. Das Lykurgische Problem // *AAnt* 1967. T. 15. S. 273—281.

«Спарта и ее социальные проблемы»¹¹ автор, ставя перед собой задачу анализа социального развития в эллинистической Спарте, рассмотрел также вопросы ее предистории, в частности, дорийское вторжение на Пелопоннес, спартанскую диархию, землевладение, социальный статус населения, реформы Ликурга, а также Мессенские войны. Закономерно, что такая постановка вопроса вызвала оживленный интерес в марксистской и в зарубежной историографии. В. М. Строгоцкий, положительно оценивая концепцию П. Оливы о дорийском переселении и его хронологии, о возникновении спартанского государства и формировании его общественного строя, отдал должное исследователю и в том, что существующие в Спарте категории зависимости (илоты и перийки) складывались под влиянием завоеваний в условиях еще недостаточно развитой формы частной собственности на землю, что спартанский режим, приписываемый созданию Ликурга, является результатом постепенного развития спартанского общества¹².

Приняв точку зрения П. Оливы о том, что Ликургова ретра датируется VIII в. до н. э. и должна рассматриваться как выражение синойкизма, нужно согласиться с П. Оливой и В. М. Строгоцким, что в ретре отразились качественно новые процессы по сравнению с гомеровским обществом, начавшие совершенствоваться в Спарте после синойкизма. Утвердившееся в марксистской историографии, в частности, в работах Ю. В. Андреева¹³, мнение о том, что Спарта развивалась подобно Афинам по пути демократизации, проливает свет и на дискуссию П. Оливы с его рецензентом А. Эндрю¹⁴, проводившим параллель между ретрой и конституцией Клисфена. Правильнее, на наш взгляд, считать, как в свое время подчеркивал и В. М. Строгоцкий, что ранние следы системы конституционного правления прослеживаются в Ликурговой ретре, согласно которой герусия стала пробулевтическим органом для спартанского общества; следовательно, принятие ретры знаменовало начало ограничения влияния родоплеменных отношений и формирования спартанского полиса.

Нельзя не согласиться также с мнением П. Оливы и В. М. Строгоцкого в том, что чувство единства гражданского кол-

¹¹ Oliva P. Sparta a její sociální problémy. Praha, 1971.

¹² Строгоцкий В. М. Рец.: Oliva P. Sparta and her social Problems. Prague, 1971/ВДИ. 1974. № 3. С. 192—201.

¹³ Андреев Ю. В. Спарта как тип полиса // Вестник Ленингр. ун-та. 1973. № 8. Вып. 2. С. 48—56. Античная Греция. Т. 1. С. 194—216.

¹⁴ Andrewes A. Rec.: Oliva P. Sparta and her social Problems // Eirene. 1974. T. XII. P. 139—143.

лектива было в Спарте более выражено, чем в любом другом полисе Эллады, что могло быть обусловлено наличием еще сильных элементов родоплеменных отношений, а также тем, что в результате Мессенских войн спартанцы приобрели не только землю, но и власть над сельским населением, обрабатывающим эту землю. Наконец, необходимость сплочения спартиатов была вызвана опасностью восстаний пораженного населения — илотов. Описание П. Оливой обострения социальных противоречий, особенно после I и II Мессенских войн, создания «общины равных» и важной роли в этом процессе эфората — традиционно для марксистской историографии. Однако его мнение о том, что в архаической Спарте лишь выкристаллизовывались тенденции к развитию рабовладельческого полиса, несколько упрощено.

Касаясь вопроса об особенностях спартанского общества, П. Олива считает нужным объяснить их не только военной необходимостью. Это касается и сисситий, участие в которых было обязанностью и правом всех граждан.

Чехословацкий ученый подверг критике теорию К. М. Краймса о «феодальном» веке в Спарте, а также его мнение о том, что в архаический период в сисситиях принимали участие только аристократы и члены их дружин, а простые граждане были допущены позднее¹⁵. Аналогии можно найти и в других греческих полисах. Мужские союзы, например, известны в гомеровском обществе. Более тесные параллели с спартанскими сисситиями находим на Крите (согласно Аристотелю, спартанцы заимствовали этот институт на Крите, однако различие между ними было в том, что в Спарте в сисситии вносили вклад все граждане, а на Крите их покрывали из общественных средств)¹⁶.

Анализируя состояние землевладения в Спарте, П. Олива считает более правильной точку зрения В. Эренберга, полагавшего, что все спартанцы имели равные наделы из общественной земли, и, кроме того, отдельные из них обогачались за счет спартанской земли перийков¹⁷. Здесь, как и в родовых отношениях, сохранились свои особенности. Их общественную основу создавали, по мнению П. Оливы, пережитки старых дорийских племенных отношений. Они проявлялись, в частности, в том, что спартанцы были не собственниками, а держателями клеров.

¹⁵ Chrimes K. M. T. *Ancient Sparta*. Manchester, 1952. P. 245.

¹⁶ Arist. Pol. 2. 1271a. 28—30. 1272a. 2—4. 13.

¹⁷ Ehrenberg V. *Spartiaten und Lakedaimonier* // *Hermes*. 1924. Bd. 50. S. 48.

Проблему илотии в современной историографии П. Олива обобщил в специальной статье¹⁸. В монографии он обратился к наиболее известным теориям, дополнив их собственными наблюдениями. Как известно, в литературе илотов принято обозначать как рабов (иногда как государственных или общественных рабов), считают их и промежуточной между свободными и рабами категорией. П. Олива поддерживает мнение А. Б. Рановича, относящего илотию к «неразвитым типам рабовладельческого общества»¹⁹, что, на наш взгляд, ближе к истине.

Свои наблюдения по становлению афинской рабовладельческой демократии и связанной с ним законодательной деятельности Солона П. Олива обобщил в научно-популярной книге «Солон»²⁰. Автор считает синойкизм Тесея, предшествовавший деятельности Солона, позднейшей литературной фикцией и относит его к рубежу «гомеровского» и архаического периодов. К подобной фиксации П. Олива относит и современную интерпретацию о существовании в Аттике родовых фил. Особое внимание уделяет он сейсахтеяе, тимократии, законам Солона и их роли в развитии афинской демократии. В книге дан также анализ тирании Писистрата и реформаторской деятельности Клисфена. Таким образом, книга П. Оливы делает попытку раскрыть проблему становления и развития афинской рабовладельческой демократии в целостном плане.

П. Олива продолжил исследование упомянутого круга вопросов в 70—80-е годы²¹. В частности, он подверг критике достоверность сведений античных авторов о встрече Солона с Крезом, а также сообщение Плутарха о разделении афинского населения Тесеем на три категории (евпатридов, геоморов и демиургов). Античные авторы, подчеркивает П. Олива, стремились соединить определенный этап развития афинского общества с наиболее популярным героем. Исследователь подтвердил также свое мнение о том, что синойкизм имел место в позд-

¹⁸ Строецкий В. М. Указ. соч. С. 192—201.

¹⁹ Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950. С. 17.

²⁰ Oliva P. Solón. Praha, 1971.

²¹ Oliva P. Solónova ústava // Dějiny a současnost. 1964. R. 6. S. 38—43. Idem. Solon und seine Seisachteia // ZA. 1971. R. 21. Sv. 1. S. 103—122. Idem. Solon im Wandel der Jahrhunderte // Eirene. 1973. T. X. S. 31—65. Idem. Solon in der antike Komödie // Graecolatina et orientalia. 1973. T. 5. S. 25—33. Idem. Kroisos a Solon // Classica atque mediaevalia... Brno, 1975. S. 55—66; Idem. Die Geschichte von Kroisos und Solon // Das Altertum. 1975. Bd. 21. S. 175—181. Idem. Gesetze Solons und die athenische Polis // LF. 1983. R. 65—69.

негомеровской Греции или в начале архаического периода, и что он был длительным процессом, заключительным аккордом которого явилось присоединение Элевсина в VII в. до н. э.²² Тот же круг проблем, в частности, законодательство Солона, тирания Писистрата и реформаторская деятельность Клисфена, П. Олива обобщил в известной монографии «Возникновение греческой цивилизации», материал которой в значительной мере перекликается с содержанием книги о Солоне.

Историю ранней архаики затронул и Боузек, придя к выводу о том, что в конце VIII в. до н. э. в Аттике начинается застой, изоляция, и что власть там была полностью в руках евпатридов²³.

Менее интенсивно, по сравнению с предыдущими вопросами, изучалась в историографии ЧСФР Великая греческая колонизация. В 70-х гг. она рассматривалась преимущественно в вузовских пособиях и научно-популярных изданиях, в 80-е гг. к ней обратился П. Олива. Определенное влияние, на наш взгляд, на исследование этой проблемы в ЧСФР оказали научные симпозиумы, проводившиеся в Цхалтубо, в которых принимали участие и чехословацкие специалисты. Так, на II Всесоюзном симпозиуме по истории Причерноморья (1979) был заслушан доклад Я. Боузека «Кавказ, Греция и Гальштатская Европа в VIII—VII вв. до н. э.»²⁴, а на III симпозиуме (1982) — доклад П. Оливы «Древний союз между Македонией и Спартой»²⁵.

Вопросы колонизации рассматривались в пособии по истории первобытного общества и древнего мира под ред. Я. Печирки (он же автор раздела), однако только с точки зрения необходимости освоения новых земель и развития торговли²⁶.

В работе «Возникновение греческой цивилизации» П. Олива выступил против буржуазных историков, проводивших аналогию между Великой греческой колонизацией и политикой колонизаторов нового времени. Он определяет одну из причин раннего периода колонизационного процесса — демографиче-

²² Oлива P. Zrozeni řecké civilizace. S. 101—102. Ср.: idem. Vznik a vyvoj athénského státu // Dějepis ve škole. 1955. R. 2. S. 99.

²³ Боузек Я. К истории Аттики XI—VIII вв. до н. э. // ВДИ. 1962. № 1. С. 113. Прим. 46.

²⁴ Гяголашвили Е. Г. II Всесоюзный симпозиум по древней истории Причерноморья // ВДИ. 1982. № 1. С. 222.

²⁵ Гяголашвили Е. Г. III Всесоюзный симпозиум по древней истории Причерноморья // ВДИ. 1984. № 2. С. 219.

²⁶ Dějiny pravěku a starověku / J. Pečírka a kol. Praha, 1979. T. 1. 1. S. 480—487.

ский фактор и, в связи с ним, необходимость освоения новой территории; следующими причинами колонизации П. Олива называет необходимость торговли и классовую борьбу внутри полисов. Подчеркивая взаимопроникающую роль колонизационного процесса, П. Олива отстаивает фактор сильного влияния греческой цивилизации на этрусков начиная с конца VIII в. до н. э. Подобное влияние, по его мнению, греки оказали и на местное население Сицилии и Южной Италии; в свою очередь, эллины заимствовали искусство металлургии, теорию музыки и некоторые культы у народов Востока²⁷.

Вопросы колонизации были предметом внимания Р. Гошека и Я. Боузека²⁸. Они разделяют колонизационный процесс в ранней Элладе на три этапа. Начало второй колонизационной волны, направленной в Малую Азию, Южную Италию и на Сицилию, авторы датируют X—IX вв. до н. э. и считают ее продолжением старшей, микенской колонизации, основанной на системе факторий. Размах этой колонизации привел, согласно их мнению, к тому, что вместо факторий стали возникать эмпории, или города, подобные метрополиям. Подобное явление повторилось и во время третьей колонизационной волны, называемой Великой греческой колонизацией.

В докладе П. Оливы на XVI Международном конгрессе исторических наук в Штутгарте (1985)²⁹ автор стремился доказать, что все эмпории Причерноморья, предшествовавшие апойкиям, были вызваны необходимостью торговых отношений, а апойкии, возникшие на побережье Тирренского моря, диктовались сельскохозяйственными нуждами. П. Олива подтвердил высказанное раньше мнение о важной роли в колонизационном процессе демографического фактора и политической борьбы.

Исследователь коснулся также, в связи с колонизационным движением, проблемы сущности древнегреческих полисов и поддержал мнение Г. А. Кошеленко о существовании поляризации между городом («асти») и полисом (в смысле «город — государство»).

Что касается становления полиса в Афинах, П. Олива, по-

²⁷ O l i v a P. Zrození řecké civilizace. S. 64—85. Cp.: idem. Kolonisation als Phänomen der frühgriechischen Geschichte // *Eirene*. 1982. T. 19. S. 5—16.

²⁸ Hošek R. Země bohu a lidí. Pohledy do řeckého dávnověku. Praha, 1972. S. 42—66; Bouzek J., Hošek R. Antické Černomoří. Praha, 1978. S. 89—102.

²⁹ O l i v a P. Colonisation and the Rise of the Polis // *History and Society*. Published on the occasion of the XVIth International Congress of Historical Sciences in Stuttgart 1985. Prague, 1985. P. 205—232.

лемизируя с В. Эренбергом и некоторыми другими зарубежными исследователями, считает, что он возник на рубеже VIII—VII вв. до н. э., то есть задолго до реформ Солона, в период, когда была значительной роль греческих полисов в колонизации Средиземноморья. П. Олива не сомневается в том, что на протяжении VIII в. до н. э., или даже раньше, полис существовал, получив определенное экономическое, социальное и культурное очертание; о более раннем этапе мы знаем слишком мало, но можем предположить, что греки использовали и опыт развитых государств Ближнего Востока.

Таким образом, историки ЧСФР изучали проблемы развития архаической Греции всесторонне и достаточно глубоко. Их исследования отличает хорошее знание источников и литературы, убедительность аргументации и выводов. В целом эти работы вносят серьезный вклад в марксистскую историографию античной истории.

В. Г. БОРУХОВИЧ

Агесилай в Египте

Египетская экспедиция престарелого спартанского царя Агесилая особенно интересна в том отношении, что позволяет оценить объективность образа, созданного Ксенофонтом¹, стремившимся представить своего героя рыцарем без страха и упрека.

В действительности у Агесилая уже не оставалось и тени былых доблестей спартанских воинов, которыми они блистали во времена царя Леонида. И Агесилай, и его спартанское окружение превратились в худший сорт наемных вояк, готовых в любой момент предать нанявшего их патрона и перейти на сторону того, кто им больше заплатит. Агесилай был не столько полководцем (хотя он и обладал опытом ведения военных действий большого масштаба), сколько прожженным и бессовестнейшим политиканом. Пороки, которые ему уда-

¹ См.: Фролов Э. Д. Жизнь и деятельность Ксенофонта // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. ист. наук. 1958. № 251. Вып. 28. С. 41 сл.; См. также: Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975. Т. 24 сл.; *Greitenbach Xenophon* // RE. 2 R. 1967. Hbd. 18. Sp. 1571—1578. Фролов Э. Д. Ксенофонт и его «Киропедия» // Ксенофонт. Киропедия / Изд. подг. В. Г. Борухович и Э. Д. Фролов. М., 1976. С. 248; Лурье С. Я. Ксенофонт и его «Греческая история» // Ксенофонт. Греческая история / Пер. С. Лурье. Л., 1935. С. VIII.